

A dramatic scene of a lighthouse on a rocky cliff during a storm. The lighthouse is a multi-tiered stone structure with a red-tiled roof and a small arched window. It sits on a dark, jagged rock formation. The sea is turbulent with white-capped waves crashing against the rocks. The sky is filled with heavy, dark clouds, and rain is falling in visible streaks. In the bottom center, the back of a person's head is visible, looking out at the storm.

Капитан М.

Тихая гавань

Капитан М.
Тихая гавань

«Автор»

2026

М. К.

Тихая гавань / К. М. — «Автор», 2026

Бывший спецназовец, страдающий от тяжёлой формы посттравматического расстройства и боязни открытых пространств, служит смотрителем маяка на уединённом острове. Во время шторма к его берегу прибывает яхту со свидетелями, за которыми охотится международный картель. Герою приходится не только отражать атаки наёмников, но и преодолевать собственных демонов, защищая жизни людей и документы, способные уничтожить могущественную преступную сеть.

© М. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ревун	5
Глава 2. Осада	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Капитан М. Тихая гавань

Глава 1. Ревун

Ветер, этот вечный узник северных широт, родился где-то над свинцовой гладью Ледовитого океана, набрал мощь над тысячами миль холодной воды и теперь, достигнув клочка суши, именуемого островом Каменный, обрушил на него всю свою слепую, первобытную ярость. Он был в расщелинах базальтовых скал, словно стая голодных волков, рвал в клочья клочья соленой пены с гребней исполинских волн и швырял их в узкое, похожее на бойницу, окно маячной башни.

Алексей Волков стоял у окна, и его отражение в мутном, исцарапанном многолетними штормами стекле было единственным живым существом, которое он видел. Высокий, жилистый, с глубоко посаженными глазами, цвет которых напоминал выцветший от непогоды гранит, он казался частью этого сурового пейзажа. Черты его лица, когда-то открытые и, быть может, даже располагающие, теперь заострились, обтянув скулы пергаментной кожей. Короткий ежик волос с сильной проседью, щетина, отросшая за пару дней, и глубокая вертикальная складка между бровей — все говорило о человеке, который давно разучился улыбаться. Его левая рука, машинально поглаживавшая холодный чугунный корпус старого барометра, висела на перевязи, скрытой под грубым шерстяным свитером. Это была не просто деталь одежды, а шрам на самом его существе, вечное напоминание о мире, который он покинул.

Он перевел взгляд с барометра на масштабную карту, приколотую к стене. Красный круг, обведенный жирным карандашом, отмечал область глубокого циклона, и цифры, которые он машинально записал в вахтенный журнал, не сулили ничего хорошего. Девятьсот шестьдесят восемь миллибар и продолжают падать. Для этих мест — обычное дело в конце октября. Но внутреннее чутье, то самое, что не раз спасало ему жизнь в горах Кавказа и в пыльных лабиринтах городов Востока, подсказывало: этот шторм будет особенным. И чутье, как всегда, не ошибалось.

Его не страшила ярость стихии. Пугало другое. Сама мысль о том, чтобы спуститься вниз, выйти из этой тесной, спасительной цитадели, оказаться под этим бездонным, вращающимся, давящим свинцовым куполом неба, вызывала у него тошнотворный спазм в животе и липкий, холодный пот на спине. Агорафобия. Диагноз, который он впервые услышал в госпитале после третьей контузии, прозвучал как приговор. Боязнь открытого пространства. Для того, кто полжизни провел в горах и лесах, кто действовал под открытым небом, как рыба в воде, это звучало как злая насмешка судьбы.

Внизу, в жилом отсеке маяка, уютно гудела керосиновая лампа, отбрасывая на каменные стены причудливые, пляшущие тени. Воздух был пропитан запахами машинного масла, морской соли, старого кирпича и чего-то еще, неуловимого — запахом одиночества. Он сел на прочный деревянный табурет, положил на колени блокнот, в котором вел записи, и принялся чинить старый бинокль. Руки его, большие, с натруженными, узловатыми пальцами, двигались скупой и точной. Работа с механикой успокаивала. Это был понятный, осязаемый мир, лишенный хаоса внешнего мира. Мир, в котором каждая гайка знала свое место.

Внезапно в вое ветра он уловил новый звук. Не скрежет металла и не грохот камней, а глухой, утробный удар, от которого, казалось, дрогнули стены. Волков замер, подняв голову. Через несколько секунд удар повторился. Он был ритмичным, настойчивым. Это не походило на игру стихии. Это было похоже на... колокол. Так бился о скалы корпус корабля, теряя последние силы.

Алексей встал. Он знал, что от него сейчас потребуется. Спуститься вниз. Выйти наружу. В этот ад. Одна лишь мысль об этом отозвалась новой волной паники, подкатившей к горлу. Он сглотнул, заставляя себя дышать ровнее. Вдох. Задержать дыхание. Выдох. Вдох. Выдох.

Он подошел к стальному шкафу, висевшему в самом темном углу, достал оттуда комплект штормовой одежды — прорезиненный плащ, болотные сапоги, и, самое главное, капюшон, который он мог натянуть почти до самых глаз. Это была его броня, его панцирь, который, пусть и иллюзорно, но защищал его от ужаса бескрайнего простора. Каждое движение давалось с трудом, будто он преодолевал сопротивление густой, вязкой массы. Тело, привыкшее к повиновению, отказывалось подчиняться. Инстинкт самосохранения, изуродованный болезнью, кричал ему: «Останься! Здесь безопасно!».

Он заглушил этот крик. Волков открыл тяжелую, обитую железом дверь, и в следующую секунду ураган всей своей мощью ворвался в его убежище. Ветер вырвал дверь у него из руки, швырнув ее о стену, и наполнил каменный мешок оглушительным ревом. Вместе с ним внутрь ворвались брызги ледяной воды, смешанные с песком и мелкими камешками.

Алексей, вцепившись в дверной косяк, боролся с двумя стихиями одновременно. Первая была снаружи — бесновалась, толкала, хлестала, пытаясь опрокинуть его на спину. Вторая была внутри — этот липкий, животный ужас перед бескрайним пространством, где не было стен, не было потолка, а было лишь вращающееся безумие из воды и ветра. Он чувствовал, как сердце колотится где-то у горла, как легкие отказываются наполняться воздухом.

Он перевел взгляд с горизонта — огромного, чудовищного, словно разверстая пасть небытия, — вниз, на землю. Нужно было смотреть только вниз. На бетонную дорожку, на камни, на свои ноги. Он заставлял свой мозг отключиться от панорамного восприятия мира, сузить его до нескольких метров перед собой. Это была его личная техника выживания, выработанная за долгие месяцы борьбы с самим собой.

Пригибаясь, он, словно краб, двинулся вдоль стены маяка. Каждый шаг был победой. Ветер обжигал лицо ледяными иглами, одежда мгновенно промокла и облепила тело, став холодной и тяжелой. Где-то позади, в руинах старого, заброшенного жилого корпуса, вздыхал и стонал ветер, пролезая в пустые оконные проемы. Впереди была стена ангара с генератором, но до нее было не меньше пятидесяти метров открытого пространства.

Именно это открытое пространство было его личным кругом ада. Волков перевел дух за выступом стены, укрывшись от прямых порывов, и, не давая себе времени на раздумья, рванул вперед. Он бежал, согнувшись, перебежками от камня к камню, как учили его когда-то на курсах выживания, но под этим вражеским огнем не из свинца, а из воздуха и воды. Несколько раз порывы ветра сбивали его с ног, и он, падая на колени, цеплялся за мокрую гальку, стирая ладони в кровь. Оказавшись у стены ангара, он на секунду прижался к ней щекой, чувствуя, как дрожит все тело. Тошнота отступила, уступив место физическому изнеможению. И это было лучше. Тело умело терпеть.

Он нашел спасательные жилеты, мощный фонарь-прожектор и связку прочнейшего пенькового каната. Свет в такой круговерти едва пробивал на десяток метров, но канат был жизненно необходим. Алюминиевая лодка была безнадежно разбита штормом еще две недели назад — она лежала у причала, расплюснутая, как консервная банка. Весь инвентарь надо было беречь. Закрепив фонарь и закинув канат на плечо, он начал обратный путь к маяку, когда его взгляд, на мгновение оторвавшийся от земли, выхватил из чернильной темноты короткую, яркую вспышку. Она была далеко, на границе видимости, у входа в бухту, которую местные называли «Бутылочное горло». Это был не маячный свет. Это был огонь.

Огонь на судне. И этот суд, судя по характерному, беспорядочному дрейфу, был неуправляем.

Добравшись до спасательной двери, Алексей ввалился внутрь и, захлопнув ее за собой, на секунду привалился спиной к холодной стене, жадно глотая воздух. Приступ паники отсту-

пил, но он знал, что этот враг лишь затаился, готовый нанести новый удар. Он поднялся в комнату управления, включил радиостанцию. В эфире стоял сплошной треск и вой, сквозь который пробивались обрывки тревожных, панических голосов. Он уловил международный сигнал бедствия. Яхта. И, кажется, большая.

Он снова спустился к двери. Судя по вспышкам, судно несло прямо на рифы, ограждавшие остров с северной стороны. Оно было обречено. Спасти его мог только один он, но возможности его были ничтожны. Взгляд Алексея упал на ржавый, но все еще мощный ручной реву́н, подвешенный на стене у входа. Он снял его с крючка и, снова выйдя в беснующуюся ночь, изо всех сил сжал рукоятку. Низкий, утробный звук, похожий на рев раненого зверя, вплеся в вой урагана. Это был единственный ориентир, который он мог дать людям в море. Один долгий, два коротких. Сигнал: «Двигайтесь ко мне».

Ураган, словно разъяренный тем, что кто-то осмелился перечить его воле, обрушился на него с новой силой. Небо над островом, казалось, опустилось еще ниже, сгустилось до черноты, и в этой черноте, в редкие моменты, когда тучи разрывались вспышками далеких зарниц, Алексей видел, как из моря вырастают стены воды высотой с трехэтажный дом. Волны с грохотом обрушивались на скалы, и земля под ногами гудела, как гигантский барабан.

Он стоял, упершись ногами в камень, держась за рычаг реву́на, как за спасательный круг, и смотрел в темноту. В этот момент он не чувствовал ни страха перед открытым пространством, ни боли в изуродованном плече. Он сам, казалось, превратился в часть этой бушующей стихии, в остров, каменный часовой, противостоящий хаосу.

А потом он увидел. Огромный, неуклюжий силуэт вынырнул из стены дождя, как призрак из преисподней. Белая двухмачтовая яхта, потерявшая мачты, с задранном кверху носом, беспомощно вращалась, влекомая течением прямо на гряде острых скал, которые местные рыбаки называли «Зубы дьявола». На ее корме, охваченной ярким пламенем, несмотря на ливень, плясал огонь, вырывавший из мрака фигурки мечущихся людей.

Волков видел все. Казалось, время замедлилось. Он знал этот фарватер, знал каждый камень, каждое подводное течение. Если яхту не развернуть сейчас, через пять минут она превратится в груды дерева и стеклопластика, а люди — в мясо, перемолотое стихией.

Он бросил реву́н. Связка каната с плеча упала на землю. Алексей, забыв о боли, о страхе, об агорафобии, рванулся к кромке воды. Он был не просто зрителем маяка, он был человеком, который когда-то поклялся защищать. И эта клятва оказалась сильнее всего.

Когда до скал оставалось метров пятьдесят, корпус яхты с чудовищным скрежетом налетел на первый подводный риф. Судно содрогнулось, накренилось на левый борт, и в этот момент в его бок, словно от удара исполинского топора, образовалась огромная пробоина. Волны, почувствовав добычу, стали рвать ее на части.

С кормы, преодолевая страх, в ледяную воду начали прыгать люди. Алексей зажег прожектор. Яркий луч выхватил из мрака хаотичную картину: маленький надувной плот, перевернутый штормом, барахтающиеся в черной воде фигурки в оранжевых жилетах, искореженные обломки, стремительно несущиеся к берегу.

Он действовал на инстинктах, отточенных годами. Привязав один конец каната к массивному валуну, он обвязал его вокруг пояса и, не раздумывая ни секунды, шагнул в бушующий прибой. Ледяная вода обожгла, сжала грудь стальными тисками, не давая вздохнуть. Волны то поднимали его, швыряя обратно на острые камни, то утаскивали назад, в ревущую бездну. Он был не пловцом, а скорее амфибией, выброшенной из родной стихии на сушу, и теперь, сражаясь с водой, он чувствовал, как просыпается та, прежняя, звериная часть его натуры.

Он настиг первого — молодого мужчину, который безуспешно пытался удержаться на скользком обломке мачты. Алексей, поднырнув под волну, схватил его за жилет и рванул к берегу. Мужчина отчаянно сопротивлялся, обезумев от паники, но Волков сжал его, как в тисках, и продолжал тащить, чувствуя, как лопаются мышцы, как от напряжения темнеет в

глазах. Казалось, прошла вечность, прежде чем их выбросило на мелководье. Он вытолкнул спасенного на камни, и тот, кашляя и отплеываясь, уцепился за спасительную гальку.

Не давая себе передышки, Волков снова бросился в воду. Его ватное тело слушалось с трудом, но в голове пульсировала одна мысль: «Там есть кто-то еще». Он вытащил женщину, которая, зажмурившись, крепко вцепилась в канат. Он почти терял сознание, но не разжимал рук. Он вытащил мужчину в разорванной рубашке, который уже захлебывался, уходя под воду. Он не помнил, сколько времени это продолжалось. Он помнил только вкус соли и крови во рту, рев моря и этот проклятый, ослепляющий свет прожектора, который, казалось, был единственным островком реальности в этом вселенском хаосе.

Когда его последний раз выбросило на берег вместе с дрожащей от холода девушкой, силы окончательно покинули его. Он лежал на гальке, хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Рядом с ним в отблесках пожара, догоравшего на рифах, шевелились, стонали и ползали спасенные люди. Он насчитал пятерых. Пятерых живых.

Он с трудом поднялся. Ноги не слушались, все тело дрожало. Но он знал, что расслабляться нельзя. Гипотермия убивает быстро. Нужно было вести их в маяк.

— Вставайте! — прохрипел он, пытаясь перекричать ветер. — Все, кто может идти, поднимайтесь! За мной!

Его голос, охрипший от соли и крика, звучал как-то глухо, но люди слышали. Они стали подниматься, карабкаться по скользким камням, помогая друг другу. Женщина, которую он вытащил второй, плакала навзрыд, но шла. Мужчина с рассеченной бровью, молодой парень, стучал зубами, озираясь по сторонам. Девушка, которую он вытащил последней, дрожащей рукой сжимала на груди какую-то промокшую папку, которую, видимо, не выпустила даже в воде.

И тут среди этого хаоса Алексей уловил взгляд. Это был мужчина лет пятидесяти, с седыми висками и цепким, холодным взглядом человека, привыкшего повелевать. Он был в дорогом, хоть и изодранном свитере, и держался с каким-то отстраненным достоинством, не подобающим только что вытасченному из воды утопающему. Он смотрел не на Волкова, а на море, на догорающий остов яхты, и в его глазах, помимо шока, Алексей заметил нечто, что ему очень не понравилось. Просчитанный страх.

Но времени на раздумья не было. Волков повел их к маяку. Это был медленный, мучительный переход. Ледяной ветер хлестал по мокрым лицам, одежда стала тяжелой, как панцирь. Он сам был на последнем издыхании, но упорно шел вперед, ведя за собой эту измученную, сломленную группу. Спасение из моря было лишь началом. Теперь нужно было выжить на суше.

Добравшись до массивной двери, он с трудом отворил ее под напором ветра. Керосиновая лампа все еще горела, отбрасывая на стены теплый, колышущийся свет. Запах машинного масла и камня показался ему самым райским ароматом на свете. Одно за другим, спасенные люди вваливались внутрь, падая от изнеможения на холодный каменный пол, и воздух тут же наполнился их тяжелым дыханием, стоном и плачем.

Волков закрыл дверь на засов. Шум урагана стал глуше, отодвинулся, как отодвигается кошмар после пробуждения. Он повернулся к людям, сгрудившимся у стены. Пятеро промокших, трясущихся от холода, измотанных до предела людей. Женщина плакала, парень с рассеченной бровью осматривал глубокую царапину на руке, девушка с папкой сжалась в комок, пытаясь согреться. И этот, с седыми висками, который уже пришел в себя и теперь внимательно, изучающе разглядывал своего спасителя.

Алексей не был готов разговаривать. Он молча прошел к баку с пресной водой, набрал в кружку, заставил выпить женщину, потом остальных. Затем стал раздавать одеяла, хранившиеся в старом сундуке. Его движения были механическими, отточенными. Работа, дело — вот что спасало его самого от приступа паники.

Он разжег небольшую чугунную печь, стоявшую в углу, и вскоре по комнате разлилось живительное тепло. Люди постепенно начали приходить в себя. Парень перевязал руку куском чистой ткани. Женщина перестала плакать и теперь лишь изредка всхлипывала, кутаясь в одеяло.

— Спасибо вам, — прошептала она, глядя на Волкова с благоговейным ужасом. — Вы нас спасли... Если бы не вы...

Алексей не ответил. Он перебирал в уме события этой ночи, пытаясь отбросить лишнее, сфокусироваться на главном. Его взгляд остановился на мужчине с седыми висками. Тот уже полностью взял себя в руки. Он сидел у стены, обхватив колени руками, но его поза была не позой отчаявшегося, а позой человека, который ждет и просчитывает.

— Кто вы? — спросил Алексей, нарушая тишину. Его голос звучал хрипло и резко, как скрежет якорной цепи.

Мужчина поднял на него глаза. В них не было ни благодарности, ни страха. Только холодная настороженность.

— Обычные люди, — ответил он после короткой паузы. — Яхта шла в Хельсинки. Попали в шторм, потеряли управление.

Ложь была складной, но Волков уловил в ней фальшь, как волк улавливает запах слабого зверя. Взгляд мужчины на секунду скользнул в сторону девушки с папкой, сидевшей в другом углу. Между ними существовала какая-то невидимая связь, но это была не связь друзей или близких. Скорее, связь конвоира и пленника.

— В такой шторм не ходят в Хельсинки, — спокойно произнес Алексей, продолжая наблюдать за ним. — Это гиблое место. И курс ваш был не на восток. Вас несло с севера.

Мужчина слегка напрягся, едва заметно, но Волков это увидел. Он знал этот тип людей. Людей, привыкших к дорогим каютам и чужим секретам.

— Это уже неважно, — отрезал мужчина, меняя интонацию на более жесткую. — Важно, что мы живы. Есть ли у вас радио?

— Есть, — ответил Волков. — Но его разбило молнией. Или ветром. Оно мертво.

— Уверены?

Алексей не удостоил его ответом. Он подошел к окну, выходящему на юг, в сторону черного провала моря. Шторм не утихал. Но, взглядевшись в темноту, в глубины дождя и брызг, он, кажется, увидел что-то еще.

Далеко, почти у самого горизонта, на самой границе восприятия, мелькнула и погасла короткая белая вспышка. Словно свет искал что-то в этой кромешной тьме. Прожектор. Он был уверен, что это прожектор.

— Вы видели? — раздался тихий голос у него за спиной.

Это была та самая девушка с папкой. Она стояла в двух шагах, кутаясь в одеяло, и смотрела в окно. Ее глаза, огромные и черные, как ночь за стеклом, были полны такого ужаса, какого Волков не видел даже в Афганистане.

— Что? — спросил он.

— Этот свет, — прошептала она, не отрывая взгляда от моря. — Это они. Они уже здесь.

Волков нахмурился. Он перевел взгляд на мужчину с седыми висками. Тот поднялся, сделал шаг вперед. Вся его напускная светскость испарилась, уступив место откровенной тревоге.

— Послушайте, — тихо, но твердо заговорил он, приблизившись к Волкову вплотную. — Мы не просто «обычные люди». Я не знаю, что вы видели и что подумали. Но если этот свет на горизонте — то, о чем я думаю, то у нас очень мало времени. Нам нужно оружие. И нам нужно забаррикадировать двери.

Алексей смотрел на него, не отвечая. Внутри него просыпался тот самый, старый, похороненный под слоем пепла инстинкт, который когда-то заставлял его просыпаться за секунду

до того, как враг откроет огонь. Он снова посмотрел в окно, на далекую вспышку, плывущую по черной воде к его острову.

И он понял. Шторм был только началом. Истинная опасность только что объявила о своем прибытии. И битва будет не за корабль и не за груз. Битва будет за жизни этих пятерых, за старый маяк и за него самого.

Он повернулся к мужчине. Его глаза, серые, как штормовое море, встретились с взглядом седовласого.

— Рассказывайте, — произнес Волков. — Все. С самого начала. И молитесь, чтобы я поверил вам быстрее, чем эти люди доберутся до берега.

С этими словами он бросил взгляд на запертую дверь. Старая, окованная железом, она простояла сто лет. Теперь ей предстояло пройти еще одно испытание. Испытание, которое будет посерьезнее любого шторма. — Меня зовут Виктор Сергеевич, — начал седовласый, усаживаясь на перевернутый ящик из-под консервов. Голос его звучал ровно, словно он не только что выбрался из ледяной воды, а сидел в кабинете на деловых переговорах. — Я возглавлял службу безопасности одной инвестиционной компании. Не буду называть ее, это неважно. Важно то, что мы случайно наткнулись на схему, по которой через наши счета отмывались деньги. Грязные деньги, понимаете? Наркотики, оружие, люди. Огромные суммы. Мы начали копать глубже и нашли связь с международным картелем, который контролирует целые порты, судоходные линии, банки. Это не просто бандиты с большой дороги. Это организация с военной дисциплиной, своими агентами в правительствах и полиции.

Волков слушал, не перебивая. Он стоял у печи, скрестив на груди здоровую руку, и внимательно следил за мимикой рассказчика. Виктор Сергеевич говорил правду, в этом не было сомнений. Слишком спокойно, слишком обреченно. Так говорят люди, которые уже прошли точку невозврата.

— Девушка, — он кивнул в сторону Алисы, — работает программистом. Именно она заметила аномалии в базах данных и скачала копии всех транзакций, зашифрованных сообщений, списки агентов. Это тысячи файлов, которые могут уничтожить картель за одну ночь, если попадут в нужные руки. Мы пытались связаться с журналистами, с прокуратурой, но везде нас опережали. Нас вычислили. Трех моих людей убили в течение суток. Мы бежали. Сначала поездом, потом через границу, потом на яхте. Думали, что так безопаснее: море, никаких документов, никаких следов. Ошиблись.

— На яхте были только вы? — спросил Алексей.

— Нет. Капитан, матрос, и еще двое пассажиров. Капитан и матрос погибли при пожаре. А эти двое, — он перевел взгляд на парня с рассеченной бровью и женщину, — просто случайные люди, которые купили билет на тот же рейс. Они ничего не знают. Они нам не помощники.

— А вы? — Волков посмотрел на Виктора Сергеевича в упор. — Вы, я вижу, из бывших. Не похожи на банковского клерка.

— Вы правы. Пятнадцать лет в органах, потом отставка, частный сектор. Навыки не пропил, если вы об этом. Но у меня нет оружия, и я не боец того уровня, который нужен сейчас.

Алексей хмыкнул. Он перевел взгляд на девушку. Она сидела у стены, по-прежнему прижимая к груди мокрую папку, и смотрела на него расширенными от страха глазами.

— Папка, — произнес Волков. — Это то, о чем вы говорите?

Алиса вздрогнула, будто он ударил ее током. Она инстинктивно сжала папку еще крепче, но затем, пересилив себя, кивнула.

— Здесь копии всего, — прошептала она. — На бумажных носителях. Цифровые копии я уничтожила, когда поняла, что нас взломали. Осталось только это. Если они заберут папку, все будет кончено. Нас убьют, а документы сожгут.

— Ясно, — проговорил Алексей, и в его голосе впервые за эту ночь прозвучало нечто похожее на усталую решимость. — Значит, бой будет не за жизнь, а за эту чертову папку.

Он снял с крюка штормовой фонарь, зажег его, и, не говоря больше ни слова, направился вглубь маяка, в кладовую, расположенную за винтовой лестницей. Там, за старым чугунным котлом, был спрятан деревянный ящик, обитый потемневшей от времени кожей. Волков выдвинул его, откинул крышку. Запахло оружейной смазкой и пылью. Внутри лежало то небольшое, что осталось от его прошлой жизни.

Он вынул из ящика старый, но ухоженный дробовик двенадцатого калибра, потемневшее от порохового нагара охотничье ружье. Рядом — коробка патронов с картечью и несколько сигнальных ракет. Еще был армейский нож с набором лезвий, топорик с короткой рукояткой и моток прочной веревки. Негусто против автоматического оружия, но это все, что у него было. Волков проверил затвор, передернул цевье, прислушался к сухому металлическому щелчку. Пальцы, помнившие десятки других стволов, работали автоматически. Он прикрыл глаза на секунду, вспоминая, как в Афганистане они обороняли горный перевал всего с тремя автоматами и ящиком гранат. Тогда тоже казалось, что шансов нет. Но они выжили.

Забрав оружие и патроны, Волков вернулся в общий зал. Люди смотрели на него с надеждой, смешанной со страхом. Он положил дробовик на стол, разложил патроны, сигнальные ракеты, нож. Виктор Сергеевич, увидев это, поджал губы.

— Всего один ствол? — спросил он.

— Всего один, — подтвердил Волков. — У тебя есть идеи получше, говори.

Седовласый ничего не ответил. Он понимал, что идей нет. Оставалось только принять бой и надеяться на знание местности, на то, что шторм задержит нападающих, и на то, что удача в эту ночь окажется на их стороне.

Алексей направился к окну. Сквозь залитое дождем стекло он всматривался в темноту, пытаясь разглядеть свет на горизонте. Теперь он видел его яснее: короткие, ритмичные вспышки, как пульс хищника, крадущегося к добыче. Это был прожектор катера, который, преодолевая волны, медленно, но неуклонно приближался к острову.

— Времени мало, — произнес Волков, отходя от окна. — Надо готовить оборону.

Он распределил роли. Виктору Сергеевичу, как самому физически крепкому из мужчин, поручил заколачивать досками нижние окна, используя все, что попадется под руку: доски от старых ящиков, куски фанеры, металлические прутья. Парню с рассеченной бровью, которого звали Дмитрием, велел таскать к двери все тяжелое: мешки с песком, старые покрывки, куски рельсов. Женщине, Ирине, и Алисе поручил собирать бутылки, тряпки, керосин — все, что могло превратиться в зажигательную смесь.

Сам он, натянув на плечи старый бушлат, поднялся на верхнюю площадку маяка, к самой лампе. Здесь, на высоте двадцати метров, ветер выл с такой силой, что приходилось держаться за металлические перила, чтобы не слететь вниз. Но отсюда открывался обзор на все подступы к острову. Волков оглядел скалистый берег, лагуну, узкую косу, соединявшую остров с большим рифом, и почувствовал, как внутренности сжимаются от знакомого приступа. Открытое пространство. Море, небо, скалы — все сливалось в одну гигантскую, удушающую воронку. Он сглотнул, схватился за холодный металл поручня и заставил себя дышать. Вдох. Задержать. Выдох. Он не мог позволить себе панику сейчас. От него зависели жизни пяти человек.

Он перевел взгляд на берег. Именно там, на гальке, среди валунов, скорее всего, высадится десант. Это единственное место, где мог пристать катер, не разбившись о скалы. Нападающие наверняка знали об этом, если у них были карты острова. Значит, встречать их надо именно там. Но выйти туда означало снова оказаться под этим бескрайним, вращающимся небом, под градом ледяных брызг, в реве ветра. Алексей сжал зубы. Он справится. Когда начнется бой, страх отступит. Так было всегда.

Он спустился вниз. Люди работали молча, с той отчаянной поспешностью, какая бывает только перед лицом неминуемой гибели. Дмитрий, парень с рассеченной бровью, нашел где-то старую кувалду и теперь вколачивал гвозди в дверной косяк, забивая доски крест-накрест.

Виктор Сергеевич укреплял окно в жилом отсеке, вставляя в раму куски арматуры. Женщины рвали на полосы простыни, макали их в керосин и засовывали в горлышки бутылок.

Алексей прошел в кладовую и принес оттуда два цинковых ведра с песком, большой кусок брезента и моток колючей проволоки. Он расставил песок у входа, чтобы тушить возможный пожар, брезентом завесил проем, ведущий на винтовую лестницу, чтобы создать дополнительную линию обороны, а колючую проволоку они с Виктором Сергеевичем растянули внизу, у подножия лестницы, на случай прорыва через главный вход.

— Если они ворвутся, встретим их здесь, — пояснил Волков, жестом обводя пространство у винтовой лестницы. — Дверь они сломают быстро, но тут узко, можно держать оборону с дробовиком. Вы двое, — он указал на Ирину и Алису, — подниметесь наверх, на смотровую площадку. Если все пойдет плохо, забаррикадируетесь там. Там есть люк на крышу.

— А если они нападут с двух сторон? — спросил Виктор Сергеевич.

— Не нападут. На маяк только один вход. Все остальное — стены толщиной в метр. Крыша слишком высокая, а по наружной стене в такой шторм не забраться. Главное — не дать им выбить дверь.

Он умолчал о том, что нападающие могли поджечь маяк. В деревянных перекрытиях и старых стропилах огонь распространился бы быстро, но в такую бурю поджечь здание снаружи почти невозможно. Изнутри же они не дадут им этого сделать. По крайней мере, он на это надеялся.

Подготовка заняла около часа. Ветер за это время не стих, а стал еще злее, словно сама природа решила подыграть нападавшим, создавая дополнительный шум, маскирующий их передвижения. Волков приказал потушить керосиновые лампы, оставив лишь одну, слабо мерцавшую в самом дальнем углу. Теперь маяк погрузился в полумрак, и только отблески далеких молний, пробивавшиеся сквозь заколоченные окна, выхватывали из темноты напряженные, бледные лица.

Они сидели в тишине, прислушиваясь к каждому звуку. Ирина, не выдержав, тихо заплакала. Дмитрий сжимал в руках топорик, который ему дал Волков. Алиса сидела, прижав папку к груди, и смотрела в одну точку, словно молилась про себя. Виктор Сергеевич, напротив, казался собранным, даже деловитым. Он то и дело поглядывал на Волкова, ожидая указаний.

Алексей встал у окна, выходящего на запад, в сторону моря. Он не смотрел на небо, не смотрел на горизонт — только на узкую полосу берега, которую можно было разглядеть сквозь щели между досками. Его рука машинально поглаживала цевье дробовика. Он прислушивался не только к шуму шторма, но и к более тонким звукам: скрипу уключин, плеску весел, звону металла. Пока было тихо. Но это была та тишина, что предшествует выстрелу.

— Вы когда-нибудь убивали? — вдруг спросил Дмитрий, нарушив молчание. Его голос дрожал, но в нем звучала и какая-то отчаянная решимость. — Ну, до этого?

Волков не обернулся. Он продолжал смотреть в щель.

— Не задавай вопросов, ответы на которые тебе не понравятся, — тихо произнес он. — Лучше держи топор крепче.

Дмитрий сглотнул и замолчал. Виктор Сергеевич нервно усмехнулся.

— Он прав. Сейчас все вопросы сведутся к одному: как выжить. Остальное неважно.

Алексей ничего не ответил. Он снова перевел взгляд на берег. И в этот момент сквозь пелену дождя и брызг он увидел его: длинный, низкий силуэт, скользящий по волнам, словно хищная рыба. Катер шел без света, ориентируясь, видимо, по приборам. Но даже в этой крошечной тьме Волков разглядел, как от борта отделились две темные фигуры и прыгнули в воду. За ними — еще две. Они высаживались с наветренной стороны, метрах в пятидесяти от линии прибоя.

— Они здесь, — произнес Алексей, и в его голосе не было ни страха, ни удивления. Только холодная констатация факта.

Все разом замерли. Ирина вскрикнула, но Виктор Сергеевич зажал ей рот ладонью, шикнув. Алиса поднялась, прижимая папку к груди, как талисман. Дмитрий побелел, но вцепился в топор обеими руками.

— Сколько их? — шепотом спросил Виктор Сергеевич.

— Четверо высадились. На катере, скорее всего, еще двое. Может, больше. Действуют грамотно: высадились в отдалении, чтобы не шуметь, теперь пойдут вдоль берега к нашему входу.

— Что будем делать? — спросил седовласый.

Волков, не отвечая, взял дробовик, проверил патронник, загнал патрон. Потом он вытащил из кармана бушлата сигнальную ракету, снял колпачок, взвесил в руке. Затем перевел взгляд на остальных.

— Я выйду им навстречу, — сказал он тихо, но твердо. — Здесь, в закрытом помещении, у нас нет преимущества. Они забросают дверь гранатами, и всем конец. На скалах, в темноте, я смогу их опередить. Я знаю каждый камень, каждую трещину.

— Вы же не выйдете туда, — вдруг произнесла Алиса. В ее голосе звучала странная уверенность, смешанная с состраданием. — Я видела, как вы шли по берегу. Вы боитесь открытого пространства. Вы еле заставили себя выйти, когда спасали нас.

Волков резко обернулся. Его глаза сверкнули в полумраке.

— Это не твое дело, — отрезал он. — Мое тело помнит, как воевать. А страх... страх можно обмануть.

Он шагнул к двери, но Виктор Сергеевич преградил ему путь.

— Одного мы вас не отпустим, — сказал он. — Если вас убьют, они придут сюда, и мы умрем еще быстрее. Я пойду с вами.

— Ты слышал, что она сказала? — процедил Волков. — Я не боюсь. Но если со мной пойдешь ты, ты станешь обузой. Ты не знаешь местность, не знаешь, как двигаться в шторм. Ты будешь лишь целью.

— А если я пойду? — подал голос Дмитрий. — Я смогу. Я быстрый.

Волков смерил его взглядом. Парню было не больше двадцати пяти. Он был напуган, но в его глазах горела решимость.

— Нет, — отрезал Алексей. — Ты останешься здесь. Если я не вернусь, вы забаррикадируетесь наверху и будете драться до конца. У тебя есть топор, у него, — он кивнул на Виктора Сергеевича, — нож. Используйте бутылки. Здесь узко, у них не будет простора для маневра. Может, продержитесь до утра.

— А если они снова подожгут дверь? — спросила Ирина дрожащим голосом.

— Дверь обита железом. И я оставляю вам ракеты. Стреляйте в них, если полезут. Огонь в такую погоду не распространится, а паника у них будет.

Волков говорил так, словно уже принял решение. На самом деле каждая клетка его тела кричала о том, что выход наружу — это смерть. Не от пули, так от паники. Его легкие уже сейчас сжимались при мысли о том, что он снова окажется под этим бескрайним, давящим куполом неба. Но в голове, словно заезженная пластинка, крутилась одна и та же мысль: «Ты не можешь остаться. Ты не имеешь права».

Он снял с пояса нож, проверил заточку, сунул его в ножны за голенищем сапога. Дробовик повесил на плечо. Из кармана вытащил два патрона с картечью, зажал их в левой руке. Затем, не глядя на остальных, шагнул к двери, приоткрыл засов и, на мгновение замерев, будто прощаясь с теплом, вышел наружу.

Ветер ударил его с новой силой, словно желая проверить, готов ли он к встрече с настоящим хозяином этих мест. Алексей пошатнулся, но устоял, вцепившись в каменную кладку стены. Перед глазами все плыло. Небо и море сливались в одно черное месиво, и казалось, что нет ни верха, ни низа, ни границ. Только бесконечный, ревущий хаос.

Он закрыл глаза на секунду, прижался спиной к стене, ощущая ее шершавую, холодную поверхность. Стена была реальной. Она была здесь. Она держала его. Алексей заставил себя сделать шаг. Потом еще один. Пригибаясь, он двинулся вдоль основания маяка, туда, где началась тропа, ведущая к берегу. Он знал эту тропу наизусть: каждый камень, каждую выбоину, каждый куст жесткой травы, пробивавшейся между валунами.

Дождь хлестал по лицу, ледяные струи затекали за воротник, но он не замечал этого. Все его существо сосредоточилось на одной задаче: дойти до ближайшего укрытия, не выдав себя. Он двигался быстро, но осторожно, пригибаясь к земле, сливаясь с тенями, которые отбрасывали громадные валуны. Ветер выл, заглушая звуки шагов, и это было ему на руку. Он чувствовал, как страх отступает, уступая место звериной собранности, тому особому состоянию, когда мозг отключает все лишнее, оставляя лишь инстинкт хищника, вышедшего на охоту.

Внизу, у кромки воды, мелькнул силуэт. Волков замер. Наемники двигались цепью, держась на некотором расстоянии друг от друга. Они были одеты в темные гидрокостюмы, при себе имели автоматы с глушителями. Алексей насчитал четверых. Пятый, должно быть, оставался на катере, но того не было видно за гребнями волн.

Они не подозревали, что за ними наблюдают. Они шли уверенно, как люди, не привыкшие к сопротивлению. Для них это была обычная зачистка: высадиться, найти выживших, убрать свидетелей, забрать документы. Легкая работа за большие деньги.

Волков скользнул за большой базальтовый выступ и, припав на одно колено, приложил дробовик к плечу. Расстояние было метров сорок. Для картечи — предел. Но выстрел привлечет внимание, а у него всего несколько патронов. Он не мог позволить себе промахнуться.

Он выждал, когда первый из наемников приблизится к валуну, у которого начинался подъем к маяку. Тот двигался осторожно, держа автомат наизготовку, сканируя темноту через тепловизор. Алексей знал, что тепло его тела, вероятно, уже заметно. Медлить было нельзя.

Он выдохнул, плавно нажал на спусковой крючок. Грохот выстрела слился с раскатом грома, и наемник рухнул как подкошенный, отброшенный зарядом картечи. В тот же миг Волков рванулся в сторону, перекатился за соседний валун и затаился.

Тишина. Только ветер и шум прибоя. Затем отрывистые команды, звук автоматных очередей, прошивших воздух там, где он только что находился. Пули с визгом отскакивали от камней, выбивая искры. Алексей прижался к земле, чувствуя, как бешено колотится сердце. Он знал, что теперь игра пошла всерьез. И игра эта шла на его территории.

Он вытащил из кармана сигнальную ракету, сорвал колпачок. Резкий рывок — и в черное небо с шипением взлетел ослепительно-белый снап огня, заливший все вокруг мертвенным светом. Наемники на секунду ослепли, и этой секунды Волкову хватило, чтобы перебежать к следующему укрытию, метнуться в тень большого валуна, похожего на спину гигантского кита.

Теперь он был у них за спиной. Трое оставшихся рассредоточились, заняв оборону среди камней. Они палили короткими очередями, пытаясь нащупать его. Но Волков уже изменил позицию. Он двигался, как призрак, появляясь то там, то здесь, используя рельеф, тени, шум прибоя. Он чувствовал, как просыпается тот самый зверь, которого он так долго пытался похоронить в себе. Зверь, который умел убивать.

Вспышка выстрела выхватила из темноты второго наемника, притаившегося за камнем в десяти метрах. Алексей, не целясь, навскидку, выстрелил из дробовика. Грохот, крик, и автоматная очередь ушла в небо. Третий рванулся в сторону, перекатился, выставив ствол. Волков, успевший перезарядиться, выстрелил снова, но промахнулся, лишь осыпав врага каменной крошкой. Патроны кончились.

Он отбросил дробовик, выхватил нож. Наемник, видя, что у противника нет огнестрельного оружия, привстал, целясь из автомата. Но в этот момент Волков, сделав резкий рывок в сторону, метнулся к нему, как змея. Выстрел грохнул, пуля просвистела рядом с ухом, обожгла щеку. Алексей почувствовал острую боль, но не остановился. Он врезался в противника всем

телом, повалил его на камни, выбил автомат, а затем, не давая опомниться, нанес точный удар ножом под основание черепа.

Тело обмякло. Алексей откатился в сторону, тяжело дыша. Четвертого наемника видно не было. Он мог затаиться где угодно. Волков прислушался. Сквозь шум шторма он уловил шаги — справа, за грядой валунов. Кто-то подкрадывался. Он замер, сжимая рукоять ножа. Мышцы напряглись, готовые к броску.

И тут в темноте раздался выстрел. Не автоматный, а пистолетный. Точный, одиночный. Пуля ударила в камень рядом с головой Волкова. Он метнулся в сторону, уходя с линии огня, но понял, что его зажали в клещи. Четвертый наемник был опытнее остальных. Он не спешил, выжидая, когда противник выдаст себя.

Алексей прижался спиной к холодному камню, чувствуя, как кровь стекает по щеке, как шумит в ушах от напряжения и усталости. Он был один, без оружия, если не считать ножа, против вооруженного до зубов профессионала. Но он не собирался сдаваться. Не теперь. Не после всего.

Он закрыл глаза, вслушиваясь в шум прибоя, в завывание ветра, в собственное дыхание. И в этой какофонии он услышал то, что давало шанс: далекий, но нарастающий гул мотора. Катер. Наемники, кажется, подтягивали подкрепление или меняли позицию. Но и это значило, что у него есть еще немного времени, пока они отвлекутся.

Волков глубоко вдохнул, оттолкнулся от камня и, пригибаясь, рванул в сторону, к маяку. Нужно было добраться до запасного оружия, до патронов, до людей. Он понимал, что теперь начинается самая главная битва. И битва эта будет не только с врагом, но и с самим собой.

Глава 2. Осада

До маяка оставалось меньше тридцати метров, когда воздух над головой Алексея рассек новый выстрел. Пуля, выпущенная из пистолета с глушителем, ударила в каменную кладку стены, осыпав лицо крошкой базальта. Он не обернулся, не пригнулся — лишь ускорил бег, петляя между валунами, как заяц, уходящий от погони. Страх открытого пространства, этот липкий, парализующий ужас, отступил, вытесненный более древним, более сильным инстинктом — инстинктом выживания. Сейчас небо над головой не давило, ветер не душил, а помогал: он швырял в лицо преследователю тучи брызг и песка, сбивал прицел, глушил звуки шагов.

Волков врезался плечом в дверь маяка, рванул на себя ручку. Дверь, которую они старательно укрепили изнутри досками и мешками с песком, не поддавалась. Он ударил по ней кулаком, понимая, что каждая секунда промедления может стоить жизни.

— Открывай! — закричал он, перекрывая шум ветра. — Это я!

С той стороны послышалась возня, скрежет отодвигаемых ящиков, приглушенные голоса. Затем дверь приоткрылась на ладонь, и в щели показалось бледное, перекошенное страхом лицо Дмитрия.

— Заходите быстрее! — выдохнул парень, распахивая створку.

Алексей скользнул внутрь, захлопнул дверь, навалился на нее всем телом. В ту же секунду снаружи раздался глухой удар — пуля пробила толстую доску в нескольких сантиметрах от его плеча. Волков отшатнулся, увлекая за собой Дмитрия. Оба упали на каменный пол.

— Заваливайте дверь! — рявкнул Алексей, вскакивая. — Быстро!

Виктор Сергеевич и Ирина, до этого стоявшие в нерешительности у стены, бросились к мешкам с песком. Втроем они кое-как придвинули обратно тяжелые мешки, задвинули засов. Новая пуля ударила в дверь, но теперь ее остановил толстый слой песка и дерева.

Волков, тяжело дыша, отступил вглубь, прислонился к холодной стене. Левая рука, та самая, что висела на перевязи, гудела от перенапряжения, рана на щеке саднила, кровь стекала по шее, смешиваясь с дождевой водой. Он поднес ладонь к лицу, посмотрел на темное пятно. Пуля лишь оцарапала кожу, но кровотечение было обильным.

— Вы ранены! — воскликнула Алиса, приближаясь. В ее голосе было столько искреннего испуга, что Волков на мгновение растерялся.

— Царапина, — буркнул он, отстраняясь от ее протянутой руки. — Не до этого.

Он прошел к столу, где лежали остатки его арсенала: несколько патронов, сигнальные ракеты, нож. Дробовик остался там, на берегу, рядом с телом убитого им наемника. У него больше не было дальнобойного оружия. Только нож, кулаки и отчаянная решимость.

— Сколько их осталось? — спросил Виктор Сергеевич, подходя ближе. Его лицо, освещенное слабым светом керосиновой лампы, было сосредоточенным, даже деловитым.

— Двое, — ответил Алексей, вытирая кровь с лица рукавом бушлата. — Один — на берегу, второй, возможно, затаился где-то у входа. Но на катере, я думаю, еще есть люди. Они не оставят нас в покое. Будут давить, пока не выкурят.

— Мы должны выбраться отсюда, — тихо произнесла Ирина, кутаясь в одеяло. Ее зубы стучали, но это был уже не только холод. — Должен быть какой-то способ...

— Способ есть, — прервал ее Волков. — Пережить эту ночь. А для этого нужно держать оборону. Они не смогут выбить дверь быстро, но могут попробовать другое.

Он замолчал, прислушиваясь. Снаружи, сквозь завывание ветра, доносились обрывки команд, хруст гравия под ногами, металлический лязг — наемники явно обсуждали план штурма. Волков знал, что просто так они не уйдут: слишком многое поставлено на карту, слишком опасна эта папка. Они будут лезть до последнего.

— Верхние окна, — произнес он после паузы. — Они могут попытаться забраться через смотровую площадку. Если у них есть альпинистское снаряжение, а оно у них есть, то стена для них не преграда. Нужно проверить люк на крышу и все оконные проемы.

— Я пойду с вами, — вызвался Виктор Сергеевич.

Алексей кивнул, не споря. Вдвоем они поднялись по винтовой лестнице, оставив остальных внизу, у печи. Чем выше они поднимались, тем сильнее был слышен вой ветра, проникавшего сквозь щели в каменной кладке. На площадке второго яруса было темно и сыро. Волков посветил фонарем, выхватив из мрака старые канаты, металлические тросы, ржавые блоки. Все это давно пришло в негодность, но могло пригодиться для обороны.

Они проверили каждое окно, каждое вентиляционное отверстие. Везде стояли решетки, но старые, проржавевшие. Наемники, если доберутся, смогут выломать их без труда. Волков остановился у небольшого слухового окна, выходящего на восточную сторону, туда, где море было спокойнее. Отсюда, сквозь пелену дождя, он увидел катер, качающийся на волнах в двухстах метрах от берега. На его борту горел единственный огонек, но этого было достаточно, чтобы понять: наемники не собираются уходить.

— Они ждут, — произнес Волков, не отрывая взгляда от моря. — Ждут, когда мы высушемся. Или когда шторм немного стихнет, чтобы начать полноценный штурм.

— Сколько у них времени? — спросил Виктор Сергеевич, стоявший рядом.

— Времени? — Алексей горько усмехнулся. — У них его сколько угодно. А вот у нас его нет. Утром они вызовут подмогу, и тогда остров станет нашей могилой.

— Значит, надо что-то делать.

Волков повернулся к нему. В глазах седовласого он прочитал не страх, а холодную, расчетливую решимость. Этот человек не собирался умирать просто так. Он хотел бороться.

— Есть одна идея, — медленно проговорил Алексей, припоминая устройство острова. — На северной стороне, за скалами, есть старая штольня. Она ведет от берега к подножию маяка. Ее вырубили еще в прошлом веке, когда возили сюда уголь и продовольствие. Сейчас она обрушена наполовину, но пройти можно. Если они узнают о ней, то ударят с тыла.

— Они знают? — спросил Виктор Сергеевич.

— Думаю, да. У них хорошая разведка. Скорее всего, у них есть карты, планы, спутниковые снимки. Они не дураки. Могли заранее изучить остров.

— Значит, надо заблокировать вход в штольню.

— Нечем, — покачал головой Волков. — Там несколько тонн камня. Обрушить можно, но для этого нужна взрывчатка. А ее у меня нет.

— Тогда что?

Алексей задумался. В голове, словно старая киноплёнка, прокручивались события прошлого, когда он оказывался в безвыходных ситуациях. Тогда тоже не было оружия, не было подмоги, была только смекалка и знание местности. И тогда это срабатывало.

— Есть одно место, — произнес он наконец. — Узкий лаз в основании северной стены. Он замаскирован под вентиляцию. Через него можно попасть на нижний ярус, но только ползком и по одному. Если они сунутся туда, мы встретим их.

— По одному? — переспросил Виктор Сергеевич. — Значит, преимущество у нас.

— Да. Но только если мы будем знать, откуда они полезут. Нужен наблюдатель.

— Я могу смотреть, — предложил седовласый. — У меня глаза хорошие.

Волков скептически оглядел его. Виктор Сергеевич, конечно, был подтянут, но возраст давал о себе знать. Ночная вахта под холодным ветром и дождем — не для него. Однако выбора не было.

— Хорошо, — сдался Алексей. — Поднимешься на верхнюю площадку, но не высывайся. Смотри через бойницы. Если увидишь движение у северной стены, дай знать.

Они спустились вниз. Там, у печи, по-прежнему сидели женщины и Дмитрий. Парень, увидев Волкова, вскочил.

— Что слышно? — спросил он, сжимая топорик.

— Пока ничего. Но они готовятся. Держитесь рядом и не подходите к окнам.

Волков прошел в кладовую, отыскал там старый моток бельевой веревки, несколько железных крючьев, пустую канистру из-под керосина. Затем он снял с полки ржавую, но еще пригодную к работе саперную лопатку. Все это он сложил на стол, осмотрел. Идея, зародившаяся в голове, была безумной, но единственно возможной.

— Бутылки готовы? — обратился он к Ирине.

Та кивнула, показала на ряд из пяти бутылок, заткнутых тряпичными фитилями. Волков одобрительно хмыкнул. Зажигательная смесь — штука ненадежная, но в тесных проходах она могла стать серьезным аргументом.

— Дмитрий, будешь на подхвате, — сказал он. — Если они начнут ломиться в дверь, поджигай бутылку и бросай в щель между досками. Понял?

— Понял, — ответил парень, хотя голос его дрожал.

Алексей оторвал кусок от старой простыни, наскоро перевязал рану на щеке, стянув края узлом. Боль пульсировала, но это было терпимо. Затем он взял саперную лопатку, крючья, веревку и направился к северной стене, где, по его расчетам, находился замаскированный лаз.

Этот лаз он обнаружил случайно, когда только приехал на остров. Исследуя хозяйственные постройки, он наткнулся на узкую щель в фундаменте, прикрытую куском фанеры. За ней оказался короткий, извилистый проход, ведущий к старой вентиляционной шахте. Проход был настолько узкий, что взрослый человек мог передвигаться только ползком, извиваясь, как змея. Но он выходил прямо к винтовой лестнице, минуя главный вход и все заслоны.

Теперь этот проход мог стать смертельной ловушкой для защитников. Волков добрался до него, отодвинул фанеру, посветил фонарем. Из глубины пахло сыростью и холодом. Где-то в темноте капала вода, эхом отдаваясь от стен. Он встал на колени, прислушался. Тихо. Но это ничего не значило: наемники могли быть уже там, ползти, не издавая ни звука.

Алексей воткнул в щель между камнями первый крюк, натянул веревку поперек прохода, на уровне груди ползущего человека. Затем второй крюк, третью веревку, создавая примитивную, но эффективную растяжку. Если кто-то попытается проползти, он наткнется на веревку, а крючья, вбитые в стены, зазвенят, выдав его. В тесном пространстве это даст защитникам несколько драгоценных секунд.

Закончив с растяжками, Алексей отошел на несколько шагов, присел на корточки, прикидывая план обороны. В этом узком, извилистом лазе нападающие будут вынуждены двигаться гуськом, один за другим. Если он встретит их здесь, то сможет сдерживать, используя нож и бутылки с зажигательной смесью. Но если их окажется больше трех, шансы резко упадут.

— Послушай, — раздался тихий голос за спиной.

Волков обернулся. Это была Алиса. Она стояла в нескольких шагах, прижимая к груди ту самую папку, и смотрела на него с выражением, которое он не мог разгадать: то ли надежда, то ли отчаяние.

— Почему ты это делаешь? — спросила она. — Ты мог бы просто спрятаться. Они пришли за нами, не за тобой. Ты мог бы выжить.

Алексей медленно поднялся, стряхнул пыль с колен.

— Я смотритель маяка, — ответил он. — Это мой остров. И я не бросаю людей.

Он хотел отвернуться, но Алиса неожиданно шагнула ближе.

— Ты болен, — сказала она, понизив голос. — Я видела, как ты шел по берегу. Ты боишься. И все равно идешь туда, откуда не возвращаются. Зачем?

Волков посмотрел на нее долгим, тяжелым взглядом. В полумраке ее глаза блестели, как мокрые камни.

— Потому что у меня нет выбора, — произнес он наконец. — Как у тебя нет выбора, кроме как держаться за эту чертову папку. Мы оба в одной лодке.

Он развернулся и пошел к винтовой лестнице. Алиса не стала его удерживать.

Поднявшись на верхний ярус, Волков нашел Виктора Сергеевича, который уже занял пост у западного окна. Седовласый стоял, чуть ссутулившись, вглядываясь в темноту сквозь узкую бойницу. Его лицо было непроницаемым, но в складке между бровей читалась тревога.

— Что-нибудь видно? — спросил Алексей, подходя.

— Пока нет, — ответил Виктор Сергеевич, не оборачиваясь. — Но они там. Я чувствую.

Волков кивнул. Он тоже чувствовал. Это было особое, звериное чутье, выработанное годами. Оно никогда не подводило.

Они стояли рядом, вслушиваясь в вой ветра, в грохот прибоя, в скрип старых балок. Где-то внизу, в жилом отсеке, всхлипывала Ирина. На фоне этого звука тишина казалась особенно злобещей.

— Дай мне знать, если что, — произнес Волков и стал спускаться вниз, чтобы проверить дверь и подготовить оборону первого яруса.

Он прошел в полутемный зал, где у печи сидели Дмитрий и Ирина. Женщина, казалось, впала в оцепенение: она сидела, обхватив колени руками, и безучастно смотрела на огонь. Дмитрий нервно крутил в руках топорик, бросая быстрые взгляды на окна.

— Держись ближе к печи, — сказал ему Волков. — Здесь теплее и безопаснее. И не вздумай геройствовать. Твое дело — бутылки.

Парень кивнул, хотя было видно, что внутри у него все бурлит от страха и адреналина. Волков не осуждал его: сам когда-то был таким же, в первом бою.

Он придвинул к двери еще один мешок с песком, проверил засов, заглянул в щель между досками. Снаружи было темно, как в могиле. Ветер швырял в дверь потоки воды, сквозь которые невозможно было что-либо разглядеть. Но именно в такие моменты опасность ближе всего.

И она пришла.

Сначала это был едва уловимый скрип, словно кто-то провел металлом по камню. Затем — резкий, оглушительный удар в дверь, от которого задрожали доски. Еще удар. И еще. Наемники били чем-то тяжелым, возможно, металлическим ломом или тараном, сколоченным на скорую руку.

— Они ломают дверь! — выкрикнул Дмитрий, вскакивая.

— К бутылкам! — рявкнул Волков. — Ирина, поджигай фитиль!

Женщина, выведенная из оцепенения, судорожно схватила спички, но руки ее так дрожали, что она не могла высечь огонь. Дмитрий выхватил у нее спички, чиркнул, поднес огонек к пропитанной керосином тряпке. Бутылка вспыхнула, осветив зал трепещущим оранжевым светом.

— Бросай! — крикнул Волков, отодвигая засов.

Щель между дверью и косяком была узкой, но достаточной, чтобы просунуть горящую бутылку. Дмитрий, не раздумывая, швырнул ее наружу. Послышался звон бьющегося стекла, затем яркая вспышка, осветившая на мгновение фигуры нападавших. Раздался крик, проклятие, и удары в дверь на секунду стихли.

— Еще! — скомандовал Волков.

Вторая бутылка полетела следом. Пламя взметнулось выше, осветив мокрые камни, и в его отблесках Волков увидел, как двое наемников отпрыгнули в стороны, а третий, пошатываясь, схватился за лицо. Это был шанс.

Он рванул дверь, распахнув ее настежь, и, не давая себе времени на раздумья, выскочил наружу. В руке у него был только нож, но этого хватило. Раненый наемник, ослепленный пламенем, не успел поднять автомат. Алексей ударил его в горло, затем оттолкнул тело в сторону и нырнул за валун.

Вспышка света, грохот выстрела — пуля просвистела над головой, выбив фонтан каменной крошки. Волков перекатился, уходя с линии огня, и, пригнувшись, метнулся к следующему укрытию. Он знал, что долго так не продержится: с одним ножом против автоматов и пистолетов — верная смерть. Но сейчас он не думал о смерти. Он думал только о том, как завести врагов в ловушку.

Он снова подобрал дробовик, валявшийся у тела первого убитого наемника. Рванул к нему, схватил, передернул цевье. В патроннике было пусто, но в кармане разгрузки убитого он нащупал несколько патронов. Зарядив один, он вскинул ствол и выстрелил в сторону, где, как ему показалось, мелькнула тень. Грохот выстрела слился с раскатом грома. Тень исчезла.

Волков откатился за большой валун, переводя дыхание. Сердце колотилось где-то у горла, в ушах шумело. Он чувствовал, как холодная вода затекает за шиворот, как пальцы немеют от холода. Но страх открытого пространства снова отступил, вытесненный боевым азартом. Сейчас он был не больным человеком, боящимся неба. Он был солдатом, воином, хищником, вышедшим на охоту.

Вдалеке, у кромки воды, мигнул огонек. Катер приближался. Наемники явно подтягивали резерв. Алексей понимал: если они высадятся снова, шансов не останется. Нужно было действовать быстро.

Он выглянул из-за валуна. В темноте, метрах в двадцати, он различил две фигуры, двигающиеся цепью. Они шли осторожно, пригибаясь, держа оружие наготове. Волков выстрелил, но снова промахнулся: картечь ушла в камень, подняв тучу пыли. Наемники мгновенно рассредоточились, ответив шквальным огнем. Пули защелкали по камням, отсекая его от маяка.

Волков рванул в сторону, к старой штольне. Если удастся заманить их туда, в узкий каменный мешок, можно будет дать бой на своих условиях. Он бежал, петляя, падая, поднимаясь, чувствуя, как силы покидают его. Рана на плече, та самая, старая, напомнила о себе острой, режущей болью. Рука, висевшая на перевязи, совсем онемела.

У входа в штольню он остановился, прижавшись к скале. Ветер здесь был тише, но эхо выстрелов, отражаясь от камней, создавало зловещую какофонию. Алексей заглянул в темный провал. Оттуда тянуло холодом, сыростью и запахом разложения. Он знал, что где-то там, в глубине, есть узкий боковой ход, ведущий к северной стене маяка. Если он успеет добраться до него, то сможет обойти наемников с тыла.

Но сначала нужно было убедиться, что преследователи пошли за ним. Он выглянул наружу. В темноте, у входа в штольню, он увидел две тени. Наемники приближались, но не спешили лезть внутрь. Они явно опасались засады.

Волков отступил вглубь, присел за выступом скалы. Он слышал их переговоры, обрывки фраз, заглушаемых ветром. Они решали, как поступить. Затем один из них, тот, что был покрупнее, шагнул внутрь, держа перед собой автомат с тактическим фонарем. Луч света прорезал темноту, заметался по стенам, выхватывая из мрака ржавые рельсы, обломки ящиков, лужи воды.

Волков замер, стараясь не дышать. Он знал, что каждый шорох может выдать его. Но наемник двигался вперед, осторожно, шаг за шагом. За ним, страхуя, шел второй.

И тут произошло то, чего Алексей не ожидал. В глубине штольни, откуда-то из бокового прохода, послышался шум осыпающихся камней. Это был тот самый лаз, который он заминировал растяжками. Кто-то полз по нему. И этот кто-то сейчас был прямо за спинами наемников.

Ситуация менялась стремительно. Теперь враги были не только перед ним, но и за его спиной. Волков оказался в клещах. Он сжал дробовик, чувствуя, как пот заливает глаза. Но даже в этот момент, на грани отчаяния, он не потерял самообладания. Он был солдатом. И это был его бой.

Он сделал глубокий вдох, прицелился в первого наемника и, молясь, чтобы не промахнуться, нажал на спусковой крючок. Грохот выстрела в замкнутом пространстве штольни про-

звучал как удар грома, многократно усиленный каменными стенами. Вспышка на миг ослепила самого стрелка, выхватив из темноты искореженные рельсы, лужи ржавой воды и замершие фигуры наемников. Первый из них, тот, что шел впереди с тактическим фонарем, рухнул как подкошенный: картечь ударила ему в грудь, опрокинув навзничь. Автомат выпал из рук, загремел по камням. Луч фонаря, закрепленного на стволе, бешено заметался по стенам, выписывая причудливые круги, пока оружие не замерло в луже, направив свет в потолок.

Второй наемник среагировал мгновенно. Он вскинул пистолет и выпустил три пули в сторону вспышки. Волков, уже сместившийся влево, услышал, как свинец зашелкал по камню позади него, выбивая снопы искр. Он бросился на пол, перекатился за грудой обвалившихся камней и, прижавшись к холодной земле, затаился. Дыхание сбилось, в висках стучало. Он знал: теперь наемник будет действовать осторожнее.

Но в этот момент из глубины бокового лаза, того самого, что Волков заминировал растяжками, послышался новый звук. Не шум осыпающихся камней, а сдавленный вскрик, звяканье крючьев, натянувшихся веревок, а затем — глухой удар тела о землю. Растяжка сработала. Кто-то наткнулся на натянутую в темноте веревку и, потеряв равновесие, свалился в проход. Но это был лишь один из ползущих. За ним, судя по звуку, двигался еще кто-то.

Волков понял, что оказался в самом сердце западни, которую сам же и подготовил, но теперь эта западня готова была захлопнуться вокруг него. Он приподнял голову, пытаясь разглядеть хоть что-то в пляшущем свете упавшего фонаря. Выход к берегу был перекрыт вторым наемником, засевшим за выступом у входа. Боковой лаз, ведущий к маяку, был занят теми, кто полз оттуда. Оставался только один путь — вглубь штольни, в старые подземные выработки, которые, насколько он помнил, имели выход на северо-западном склоне, у самой кромки воды.

Решение пришло мгновенно. Подобрал дробовик, Волков пополз в темноту, стараясь двигаться бесшумно, прижимаясь к стене. Он знал, что за ним сейчас охотятся не просто наемники, а профессионалы, умеющие воевать в замкнутых пространствах. У них было преимущество в оружии и численности. У него — только знание этих катакомб и отчаяние загнанного зверя.

Позади раздался резкий, отрывистый свист, затем — короткая команда на незнакомом языке. Наемники координировались. Их было трое, может, четверо. Один оставался у входа, второй преследовал его, а те, что ползли через лаз, теперь выбирались в основную галерею, отрезая путь к маяку.

Волков добрался до старой деревянной крепи, наполовину сгнившей и обвалившейся. Здесь штольня раздваивалась: основной ход уходил влево и вниз, к насосной станции, а узкий лаз — вправо, в сторону естественной трещины в скале, которая, по его расчетам, должна была вывести на поверхность. Он выбрал правый ход.

Этот лаз был еще уже первого. Волкову пришлось втискиваться в него боком, сдирая плечи о шершавый камень. Дробовик он держал перед собой, стволом в темноту. Сердце колотилось так, что, казалось, его удары эхом отдаются от стен. В какой-то момент ему почудилось, что он слышит за спиной дыхание преследователя. Он обернулся, но в черноте ничего не увидел.

Наконец, впереди забрезжил слабый, едва уловимый свет. Это был выход. Волков выполз наружу, на узкий карниз, нависающий над бушующим морем. Ветер ударил его с такой силой, что он едва не сорвался вниз. Внизу, в тридцати метрах, пенились и бились о скалы волны, разбрасывая тучи брызг. Вверху, насколько хватало глаз, — только черное, вращающееся небо.

Он прижался спиной к скале, перевел дух. И тут же почувствовал, как к горлу подкатывает знакомая тошнота, как небо начинает давить, сжимать, лишать воли. Агорафобия накатывала, как волна, грозя утащить его в панику. В глазах потемнело, ноги стали ватными. Он зажмурился, вцепившись в камень, и заставил себя думать только о бое. О враге. О том, что нужно выжить.

И это сработало. Паника отступила, оставив после себя липкий, холодный пот и дрожь в коленях. Волков открыл глаза, глубоко вдохнул соленый, ледяной воздух и огляделся. Карниз, на котором он стоял, был шириной не больше полуметра, извивался вдоль скалы, исчезая за выступом впереди. Это был путь к северной стороне острова, к той самой вентиляционной шахте, через которую можно было попасть обратно в маяк, минуя основной вход.

Он двинулся по карнизу, прижимаясь к стене, нащупывая ногами невидимые в темноте выемки и трещины. Ветер рвал одежду, швырял в лицо соленые брызги, пытался оторвать его от скалы. Каждый шаг давался с трудом. Но он шел, потому что сзади, в чреве острова, были те, кто хотел его смерти. А впереди, за этим карнизом, — люди, которые ждали его возвращения.

Внезапно в темноте, где-то позади, он увидел луч света. Он пробивался из трещины в скале, из того самого лаза, через который он только что выбрался. Наемники не отставали. Они шли по его следу. Волков ускорил шаг, насколько это было возможно на скользких, ненадежных камнях. Один неверный шаг — и он полетит в ревущую бездну.

Он добрался до выступа, за которым карниз резко обрывался. Дальше — отвесная стена, уходящая в черную воду. Над головой, метрах в пяти, — край скалы, за которым начинался пологий склон, ведущий к маяку. Волков скинул с плеча веревку, которую, к счастью, успел прихватить с собой. Один конец он обвязал вокруг ближайшего камня, на другом сделал петлю. Затем, отступив на пару шагов, раскачался и швырнул веревку вверх, целясь в выступ, за который можно было зацепиться.

Первый бросок сорвался. Второй — тоже. Ветер относил веревку в сторону, не давая ей зацепиться. Волков тихо выругался. За спиной, из трещины, уже доносились голоса. Они приближались.

Он сделал третий бросок, вложив в него все силы. Петля взлетела вверх, захлестнулась за каменный зуб, натянулась. Волков дернул, проверяя надежность. Держится. Теперь оставалось только подтянуться на руках, преодолев пять метров отвесной скалы.

Левая рука, та, что была на перевязи, отозвалась острой болью. Волков закусил губу, рванулся вверх, перебирая руками по веревке. Мышцы горели, легкие разрывались от холода и напряжения. Он почти добрался до края, когда прямо над головой раздался звук, от которого похолодела кровь: шелчок предохранителя.

— Стоять, — произнес чей-то голос.

Волков замер. Он висел над пропастью, удерживаясь на одной веревке, а над ним, на краю обрыва, стоял человек с автоматом. В темноте сложно было разглядеть его лицо, но Волков чувствовал его взгляд, холодный, безжалостный, как море, бушующее внизу.

— Ты хорошо бегаешь, — сказал наемник с едва уловимым акцентом. — Но это конец.

Волков не ответил. Он смотрел на ствол автомата, направленный ему в лицо, и лихорадочно прикидывал, есть ли шанс выжить. Пальцы немели, веревка скользила. Еще несколько секунд — и он сорвется сам, без помощи пули.

И тогда он сделал единственное, что могло его спасти. Он отпустил веревку.

Падение длилось секунду, но показалось вечностью. Он пролетел мимо каменных выступов, успев ухватиться за один из них, содрав ладонь до кости. Тело ударилось о скалу, но он удержался. Над головой грохнул выстрел, пуля ушла в темноту, не задев его. Наемник явно не ожидал такого маневра.

Волков, преодолевая боль, вскарабкался на узкий уступ, затаился в тени. Он слышал, как наверху ругается его преследователь, как хрустит галька под его ногами. Затем луч фонаря заскользил по скале, выискивая его. Алексей вжался в расщелину, стараясь слиться с камнем. Он знал, что это лишь вопрос времени: наемник не уйдет, пока не убедится, что жертва мертва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.